

Ковалева Е. Г.

[ИМПЕРСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В БРИТАНИИ В 80-Е ГОДЫ XIX ВЕКА](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/1-2/29.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 88-90. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/1-2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ИМПЕРСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В БРИТАНИИ В 80-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

*Ковалева Е. Г.**Воронежский государственный университет*

XIX век стал веком расцвета колониальных империй, временем формирования массового имперского сознания. Обладание заморскими колониями стало неотъемлемым атрибутом державного статуса страны в мире в это время. На наш взгляд, интересным представляется рассмотрение вопроса развития имперской идеи в 80-е гг. XIX века.

По мере того, как на международной сцене появлялись игроки, способные составить конкуренцию Англии (США, Германия после 1871 г.), в британских правительственных и общественных кругах формировалось понимание необходимости пересмотра приоритетов, важности внесения корректив во внутриполитический курс страны с учетом новых реалий международной жизни.

Вместе с тем стремительное развитие колоний, особенно это касалось «белых» – «переселенческих колоний», растущие амбиции политических элит этих территорий ставили вопрос о дальнейших путях выстраивания взаимоотношений между метрополией и ее отдаленными колониями.

В свою очередь, Империя становится неотъемлемой составляющей экономического развития страны в данный период. Так, доля империи неуклонно повышалась и в 1871-1875 гг. составила 22,7% в общем торговом балансе страны [Парфенов 1980: 24]. В общественных, политических кругах росло понимание важности сохранения империи. «Наши колонии могут снабжать нас всеми видами сырья; а мы их в свою очередь – промышленными товарами <...>. Имея колонии, мы независимы от остального мира <...>. Будущее Англии совершенно очевидно зависит от ее отношений с колониями. Она или останется центром великой империи, или превратится во второразрядное королевство», – так оценивал значение колоний известный экономист праволиберального толка Денрейвен [Колмаков 1985: 57].

Новые тенденции не могли быть проигнорированы ведущими партиями, подходы же к разрешению проблемы и оценка ситуации, в которой оказалась Британская империя в конце XIX века, отличались вариативностью, вызванной влиянием различных факторов, как внешних, так и внутренних. Одним из таких факторов, сыгравшим немаловажную роль, стало принятие Парламентского закона 1867 года, внесшего изменения в избирательное право страны. Этот закон создал принципиально новую ситуацию в политической сфере: электорат был увеличен почти на 1 млн. человек, причем основную часть новых избирателей составили рабочие. Как отмечает английский исследователь Дж. Пэрри, «власть формировать и распускать правительство перешла из Вестминстера к избирательным округам» [Parry 1993: 221]. Это утверждение скорее метафора, однако теперь любая партия, рассчитывающая на успех на выборах, должна была принимать в расчет голоса этих новых избирателей. Так, лидер консерваторов, С. Солсбери подсчитал, что консерваторы могли бы одержать победу на выборах 1880 г., если хотя бы 200 избирателей проголосовали бы иначе [Parry 1993: 222].

Дискуссии по вопросу имперского строительства и перспектив развития Британской империи велись на протяжении практически всего XIX века, приобретая со временем все большую остроту. 70-е гг. XIX века в Британии ознаменовались событиями, вошедшими в историю как период «имперской паники», когда основное внимание прессы, общества, парламента было приковано к процессу вывода войск из «белых» доминионов Британии – Новой Зеландии и Канады. Само решение о выводе войск из Австралии и Канады рассматривалось либеральным кабинетом У. Э. Гладстона как вполне естественный ход событий после формирования там ответственного правительства и являлось частью, осуществляемой реформы армии. Все это, собственно, было в русле общей политики либерального правительства в отношении колоний, направленной на постепенное усиление самостоятельности правительств колоний, расширению прав самоуправления при сохранении формального протектората британской Короны. Подобные меры подразумевали перераспределение долей участия самоуправленческих колоний и метрополии в финансовом бремени, тяжесть которого до сих пор была возложена исключительно на правительство метрополии. Критика деятельности кабинета Гладстона и последовавшая за этим открытая дискуссия в парламенте послужила своеобразным прологом для дальнейших поисков модели выстраивания имперских отношений.

Но если в 70-е гг. внимание было сосредоточено на проблеме «имперской обороны», то в 80-е гг. XIX века неотъемлемой частью политической жизни страны становятся дебаты по вопросу перспектив развития Империи. На страницах многих британских изданий, в выступлениях политических лидеров все отчетливее звучали нотки недовольства сложившимся положением вещей в метрополии, высказывались надежды на возможное изменение характера отношений метрополии и колоний. Подобные настроения поддерживались и обществами колоний.

Безусловный резонанс получило открытие в 1884 г. Лиги имперской федерации. Следует отметить, что и прежде существовало целая структура институтов, способствовавших популяризации имперской идеи. Так, в 1869 году было основано Королевское колониальное общество, которое в 1870 г. было переименовано в Имперский колониальный институт.

Что же подразумевала под собой идея Имперской Федерации? Общая идея сводилась к признанию необходимости политического объединения метрополии и самоуправляющихся колоний, однако полемика, развернувшаяся на страницах таких весьма уважаемых изданий, как: «Fortnightly Review», «The Times». «The

Nineteenth Century» выявила серьезные расхождения даже по вопросу целесообразности применения самого термина «имперская федерация». Так, Г. Тринг, автор статьи в январском номере «The Nineteenth Century» за 1886 г., отмечает, что «империя подразумевает государственное образование, в котором одна из составляющих частей является доминирующей. Федерация же является полной противоположностью: это союз государств, которые, провозглашая равенство друг друга и не желая уступить первенство кому-то одному, наделяют полнотой власти представительский орган, выбранный государствами, составляющими федерацию» [The Nineteenth Century 1886, Jan: 32]. Таким образом, как подчеркивает автор налицо противоречие, заложенное в самой терминологии: «если властный институт признан имперским, он уже не может быть федеральным, и, наоборот» [там же: 32]. Взамен не совсем корректному термину автор рекомендует использовать понятие «имперский союз» [там же].

Большое место отводилось и обсуждению перспектив модернизации имперских связей. С. Уилсон на страницах «The Nineteenth Century» подчеркивает, что «в будущем кажется предопределенным, что великие империи займут место более мелких государств» [The Nineteenth Century 1885: 592]. Однако схема выстраивания отношений метрополии и колоний представлялась далеко не столь простой. Лорд Нортон отмечал, что «своего рода Объединенное Королевство было в умах многих политических мужей», но трансформации возможны в одном из двух направлений: либо колонии уступят большую часть полномочий по самоуправлению парламенту, находящемуся в Лондоне, либо необходима конституция федерации при суверене – монархе с Имперским конгрессом и легислатурами членов, которые будут лишены возможности заниматься имперскими проблемами [The Nineteenth Century 1884: 512].

Схема имперской федерации, предложенная на страницах «The Nineteenth Century» в 1885 г., подразумевала уже создание двухпалатного Имперского парламента, который бы занимался решением вопросов, касающихся Империи, а также учреждение Национальных или Колониальных парламентов, которые занимались бы вопросами законодательства отдельно взятой колонии [The Nineteenth Century 1885: 594].

Но какие бы предложения по усовершенствованию имперского аппарата не выдвигались, точка зрения самоуправленческих колоний оставалась прежней – колонии не были готовы поступиться своими правами, стремясь лишь к расширению прав по самоуправлению, тарифной политики. «Мы находимся в зависимом положении, и не только потому, что мы являемся подданными Королевы, а потому, что мы еще и подданные подданных Королевы (not only subjects of the Queen, but ... subjects of the Queen's subjects)» [Fortnightly Review 1885: 342].

Несмотря на разнообразие выдвигаемых трактовок, большинство представителей политической элиты воспринимали идею имперской федерации как некое устремление, своего рода «великий план», осуществление которого дело не ближайшего будущего, а лишь первый шаг в данном направлении [The Nineteenth Century 1886: 785].

Общий итог подвел еще в 1884 г. лорд Вемисс. Он заявил: «Не имеет значения, какую форму примет федерация. Посмотрите на карту мира, на которой вдоль и поперек красными точками помечена территория Империи; подумайте, что федерация может сделать для безопасности Империи, укрепления мира за ее пределами и дальнейшего развития торговли и цивилизации» [The Nineteenth Century 1884: 512].

Эволюция концепции империи представляла собой сложный, длительный процесс, в ходе которого взгляды на колонии как «мельничные жернова на шее Великобритании» трансформировались, вырабатывалось более глубокое понимание важности сохранения империи и одновременно необходимости выстраивания отношений с колониями на неких новых началах, отвечающих требованиям времени и британским интересам. При этом менялись даже подходы к термину «империя». Так, Дж. Морли, представитель радикального крыла либеральной партии заявлял: «Я не люблю этого слова [империя]. Я хотел бы видеть федерацию независимых колоний, центром которой является Англия. Если вы думаете, что это империя – пусть будет так» [цит. по: Гелла 1988: 10].

Но какие бы не высказывались предложения по поводу возможного переустройства имперской системы, правящий кабинет, осуществляя различные мероприятия в области внутренней и внешней политики, руководствовался, прежде всего, интересами империи, считая принципиально важным сохранение действовавших имперских механизмов, поскольку иную систему взаимоотношений ни общество метрополии, ни тем более колонии еще не были готовы принять. Как отмечал А. Милнер, занимавший с 1897 г. пост верховного комиссара в Южной Африке: «Когда мы, называющие себя империалистами, говорим о Британской империи, мы думаем о группе государств, независимых друг от друга в своих местных делах, но связанных водно для защиты их общих интересов и развития общей цивилизации и таким образом объединенных в постоянный органический союз» [цит. по: Кертман 1990: 205].

Таким образом, несмотря на многообразие трактовок и предлагаемых вариантов развития империи и выстраивания отношений с колониями, большинство в британском обществе и в политическом истеблишменте страны склонялось к мысли о необходимости поступательной модернизации системы имперских связей, не затрагивающей основ и не ставящей под угрозу дальнейшее существование империи.

Список литературы

Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. – М.: Изд-во «Мысль», 1990. – 541 с.

Колмаков С. А. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 80-е годы XIX века. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. – 163 с.

Парфенов И. Д. Монополия и империя: Английские привилегированные компании и колониальная экспансия 80-90-х годов XIX в. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. – 193 с.

Fortnightly Review. – 1885. - № 219 (March). – P. 338-351.

Parry J. The Rise and Fall of Liberal Government in Victorian Britain, New Haven. - London: Yale University Press, 1993. – VIII. - 383 p.

The Nineteenth Century. – 1884. - № 91 (September). – P. 505-516.

The Nineteenth Century. – 1885. - № 98 (April). – P. 590-598.

The Nineteenth Century. – 1886. - № 107 (January). – P. 22-34.

The Nineteenth Century. – 1886. - № 118 (December). – P. 785-794.

ФИЛОСОФИЯ ЭКОЛОГИИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНИЯ

Колосова О. Ю.

ФГОУ ВПО «Ставропольский государственный аграрный университет»

Экология как наука является составной частью духовной культуры, а экологическая деятельность является разновидностью праксиологического компонента культуры, цель которого - создание, сохранение, освоение и распространения общественных ценностей. Развитие экологии в направлении усиления ее социальных аспектов обусловлено повышенным вниманием к социальным механизмам взаимосвязи общества и природы. В связи с этим появляется потребность в философском анализе закономерностей и периодов развития взаимодействия общества и природы, целей цивилизации и средств их реализации, роли глобальных техногенных процессов в жизни современного общества и природы, обеспечивающих выживание и устойчивое развитие человечества. Деструктивные последствия цивилизации являются свидетельством неадекватности исходных установок по отношению к миру, сформулированных наукой. «Мир, который открывала современная наука, оказался миром непроницаемым, лишенным духовной цели, царством случая и необходимости, не имеющим сокровенного внутреннего смысла» [Тарнас 1995: 354].

Становление философии экологии происходит в условиях непрерывного обновления знаний. Это находит свое отражение в расширении круга интересов науки и обогащении ее новым видением мира, новыми проблемными исследованиями. Выделение и определение основных групп проблем философии экологии в системе ценностей современной цивилизации и создание на их основе единого пространства исследования есть одна из важных задач формирующихся областей нового знания. Для определения важных направлений проблемных исследований философии экологии может быть выделено три основных направления исследования предмета философии экологии: субстанциональное, аналитическое и нормативное.

Основное содержание первого субстанционального направления исследования составляет экологическая реальность, ее структура, состояние, взаимодействие, взаимообусловленность и направленность эволюции. Этот круг исследований составляет онтологическое содержание предмета философии жизни в новой научной и культурно-мировоззренческой парадигме. Второе, аналитическое, направление занимается исследованием проблем эмоционально-чувственного, интуитивного и рассудочно-рационального познания жизни, определением основных понятий и формулированием теоретических принципов развития знания, составляя гносеологическое содержание предмета философии экологии. И третье направление, нормативное, дополняет дескриптивные исследования философии жизни и философии экологии, какие они есть, предписательными положениями, какими они должны быть. Содержание этого направления включает в себя проблемы выбора познавательных моделей, образцов, возможных путей развития современной философии экологии, прогнозирования знаний о жизни и состояний самой жизни, оценку тенденций их развития. Сюда может быть отнесена вся проблематика проективной философии. Она характерна для русского космизма и его продолжателей от идеи ноосферы до концепции экологического производства, то есть идей, отражающих новые реалии коэволюции природы и общества, определяемые планомерно-сознательной, проективной деятельностью человека в интересах сохранения биогенных условий бытия нынешнего состава живого вещества биосферы в целом и человеческого существования, в частности.

Принимая во внимание тот факт, что содержание философии экологии представлено двумя уровнями постижения: во-первых, фундаментальным, во-вторых, прикладным, правомерно выделить эти уровни в качестве самостоятельных. Фундаментальный уровень представляет собой философскую рефлексию над жизнью, исследование ее возникновения, места и роли в Универсуме, перспективы развития. В данном случае подчеркивается теоретическая связь философии экологии с естествознанием, философией науки. Прикладной уровень указывает на материально-практическое и эстетическое отношение к живой природе, на выход философии экологии за пределы фундаментального знания в сферу конкретного распределения и объективирования содержания ее концепций и идей в этологии, бионике, биоэнергетике, биотехнологии, биоэстетике. Проникновение теоретической фундаментальной философии экологии до уровня эмпирического и обыденного знания, ее реализации в общественной практике.